

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В
«ПРИГЛАШЕНИИ НА КАЗНЬ» В. В. НАБОКОВА
(об одном из подтекстов романа)

А. ДАНИЛЕВСКИЙ

Scripti et animam levavi

Ныне общепризнано: игровой элемент — доминирующий в прозе Набокова, установка на игру с читательским восприятием — структурирующий фактор его поэтики.

Быть может наиболее репрезентативным в этом отношении является роман «Приглашение на казнь» (1934—35 гг.¹), — его игровая прагматика становится очевидной уже при поверхностном ознакомлении с текстом произведения. С одной стороны, универсальность проблематики романа (провоцировавшая сопоставления с аналогичным универсализмом Ф. Кафки) сочетаются здесь с довольно четкой локализацией: обилие в набокковском тексте русских имен, характерной лексики и идиоматики, наконец, даже фраз типа «говорю вам русским языком и повторяю»², вынуждает полагать, что место изображаемых событий — Россия. Этому, однако, явно противоречит слишком «нерусское» имя главного героя — Цинциннат Ц. (а равно и имя его матери — Цецилия Ц.³) — и, например, сомнительный в этом же отношении пейзаж: крепость, в которой содержится в заключении герой, расположена на скале, окруженной виноградниками (см.: 4; 23).

Сходным образом организовано и время романного действия. Деятнадцатый век характеризуется в тексте как «мифический» (см.: 4; 14), 1926-й год — как давно прошедший (см.: 4; 75); сообщается, что городские утренние газеты «как всегда кишели» цветными фото (см.: 4; 12) и упоминаются «наполовину заросшие очертания аэродрома и строение, где содержался почтенный, дряхлый <...> самолет», на котором в столь же «мифические» времена

городские «купцы летали в Китай» (4; 24). Все это как будто вынуждает отнести время действия «Приглашения на казнь» (далее — ПнК) как минимум к концу XIX столетия. Но одновременно в тексте сообщается, что передвижения по городу совершаются его обитателями в основном при посредстве архаичного гужевого транспорта — «старого шарабанчика» (4; 76), «старой, облупившейся коляски» (4; 124), либо сделанных «в виде лебедей или лодок» «электрических вагонеток» (4; 41, ср.: 13 и 127), тогда как нечто отдаленно напоминающее автомобиль — «заводные, двухместные "часики"» (4; 41), — крайне немногочисленны и располагают ими лишь одиночки — «франты» (4; 126).

Подобного же рода неоднозначностью, доходящей до абсурда противоречивостью отмечены также и весь предметный мир ПнК (вплоть до вскользь упомянутых здесь архитектурных объектов⁴), и сами его центральные события, — одновременно вполне возможные (укорененные в действительности и прежде всего — в России, — вспомним хотя бы «казнь» Достоевского и других петрашевцев на Семеновском плацу в Петербурге) — и, напротив, нереальные, фантазмагорические (так, например, до сих пор авторитетные читатели рассуждают о том, совершилась ли казнь Цинцинната «на самом деле» — или в некоем отвлеченном умозрительном плане⁵).

Причиной тому — сознательная и принципиальная установка Набокова на противоречивость и многозначность текста (и, соответственно, на возможность его различных интерпретаций), гетерогенность эта входила в художественное намерение автора и имеет игровую природу. Она есть средство для расширения смысловой нагрузки текста и повышения его информативности. Итак: возможность такого рода повышения семантики текста имплицитно содержится в нем, заложена в него автором, но реализация этой возможности зависит от читателя: от уровня его интеллекта, объема его культурной (прежде всего — историко-филологической) памяти и, самое главное, от его, читателя, предрасположенности, готовности к игре, — интеллектуальной игре-соперничеству с автором (подобной игре в шахматы, столь любимой и чтимой Набоковым и столь соблазнительной для его персонажа-палача).

Очевидная противоречивость текста ПнК — лишь одна из множества «подсказок» Набокова читателю, с помощью

которой тот, при желании, мог бы актуализировать те или иные подтексты романа (выступающие здесь как система подразумеваемых потенциальных смыслов).

Именно за счет задействования широкого набора такого рода «подсказок»-сигналов, предусмотрительно инкорпорированных в текст автором, и достигается актуализация в ПНК «темы» жизнедеятельности русского революционера-демократа, мыслителя и литературного критика Н. Г. Чернышевского, темы его политического и идеологического противостояния существующему строю и его казни (г р а ж д а н с к о й казни) царским правительством, а равно и связанных с этими основными подтем — русского XIX века, Петербурга и мн. др.

Прежде всего это достигается за счет насыщения словесной ткани ПНК множеством текстуальных переключек с другим романом Набокова, — с «Даром» (1932—38 гг.⁶), точнее — с его скандально известной IV-й главой, являющей собою беллетризованную «биографию» Чернышевского, написанную от лица аполитичного эстета Годунова-Чердынцева.

Первое, что в этой связи обращает на себя внимание, — упоминание и «цитирование» в обоих романах вымышленного их автором философа-экзистенциалиста Делаланда⁷. «Цитаты» эти (в ПНК в качестве эпиграфа ко всему тексту, — см.: 4;5; в «Даре» — в размышлениях Чердынцева по поводу написанной им «биографии» и сразу вслед за нею, — см.: 3; 277) — откровенная набоковская «подсказка-указание» внимательному читателю, понуждающая его соотнести меж собой тексты, в которых эти цитаты содержатся. Не менее очевидна переключка в описании любимой зимней забавы юных Чернышевского и Цинцинната (см.: «Его <в саратовской семинарии> прозвали "дворянчик", хотя он и не чуждался общих потех. Летом играл в козны <...> Зимой же, в снежном сумраке, зычно распевая гекзаметры, мчалась под гору шайка горланов на громадных дровнях <...>» — 3; 192; ср.: «Он был легок и ловок, но с ним не любили играть. Зимой городские скаты гладко затягивались снегом <и это — в местности, где произрастает виноград! — А. Д.>, и как же славно было мчаться вниз на "стеклянных" сабуровских санках...» —4; 13).

Казалось бы, эти переключки можно расценить как случайные, обусловленные параллельной работой Набоко-

ва над обоими романами⁸. Но дело в том, что Набоков сам указывает на сложную спроецированность Цинцинната Ц. на Чернышевского — реальное историческое лицо и героя IV-й главы «Дара». Указывает не прямо, а посредством тщательно закамуфлированных намеков-ребусов, рассчитанных лишь на внимательного и вдумчивого читателя, вдобавок склонного к разгадыванию головоломок. В этом плане особенно показателен пассаж, описывающий занятия юного Цинцинната в мастерской игрушек: «Работая <...>, он долго бился над затейливыми пустяками, занимался изготовлением мягких кукол для школьниц, — тут был и маленький волосатый Пушкин в бекеше, и похожий на крысу Гоголь в цветистом жилете, и старичок Толстой, толстоносенький, в зипуне, и множество других, например: застегнутый на все пуговицы Добролюбов в очках без стекол⁹. Искусственно пристрастясь к этому мифическому девятнадцатому веку, Цинциннат уже готов был совсем углубиться в туманы древности и в них найти подложный приют <...>» (4; 14). Как видим, XIX век представлен здесь как эпоха, неактуальная для восприятия текста. Но это — «ложная подсказка» (для отвода глаз невнимательного, не склонного к игре читателя), поскольку несколькими страницами ранее именно этот век, точнее — его середина, введен в качестве важнейшего коррелята изображаемых в ПНК событий, — описанием герба родного города Цинцинната, «а именно: доменная печь с крыльями» (4; 7), в котором без труда опознается Малый государственный герб Российской империи, введенный Александром II 11 апреля 1857 г. (алый щит со св. Георгием Победоносцем на груди широко распростершего крылья черного двуглавого орла). Далее важны фамилии упомянутых в вышеприведенном отрывке классиков и порядок их ввода. В 1922 г. А. М. Ремизов включил в «Кукху» (которую, кстати, Набоков наверняка читал) такое свое наблюдение: «За все мои литературные годы <...> из встреч и разговоров я заметил сочлененность именную — парность имен: когда одно произносишь, другое уж на языке, как водород и кислород, как Анаксимен и Анаксимандр —

Горький — Леонид Андреев

<...> Бунин — Куприн <...>»¹⁰.

Упоминание в перечне Цинциннатовых игрушек рядом Пушкина и Гоголя конечно же выдержано в духе этой

«сочлененности». Тем самым как бы задается инерция, по которой читатель сам начинает подыскивать «сочленяемые» пары двум другим фамилиям — Толстого и Добролюбова. В этой связи приведем такое утверждение Р. В. Иванова-Разумника (повторяющее, в свою очередь, утверждение Н. К. Михайловского): «<...> существуют писатели, которые по тем или иным причинам являются в нашем представлении ассоциированными и тесно связанными попарно. <...> одной из наиболее неразрывных пар считаются Л. Толстой и Достоевский <...>»¹¹. Упоминание Толстого, таким образом, призвано привести на ум читателю ПНК имя Достоевского, а через него — и имя Чернышевского (как человека схожей судьбы — то же революционера и жертвы сходной по замыслу к а з н и ¹²); о Добролюбова же и о Чернышевском сам Набоков устами Годунова-Чердынцева заявляет: «Дружба соединила этих двух людей вензельной связью, которую сто веков неспособны распутать (напротив: она лишь укрепляется в сознании потомков)» (3; 232)¹³. Как видим, *nomina sunt odiosa*, но подсказаны (*sapienti sat*) и, тем самым, актуализированы в сознании читателя ПНК.

Но уже само название произведения — «Приглашение на казнь» — есть достаточно откровенное указание и емкая характеристика того, что реально произошло с Чернышевским, которого царские власти, страшившиеся его публичного инакомыслия, но не имевшие достаточных юридических оснований для суда, упрятали в Петропавловскую крепость¹⁴, где (по заключению Годунова-Чердынцева, — см.: 3; 242–246) создали ему все условия для того, чтобы сам Чернышевский, своими же руками, изготовил «компромат» на себя, что он и сделал, написав «Что делать?»

Как помним по IV-й же главе «Дара», важная роль при этом отводилась властями заблаговременно (на 4 дня раньше Чернышевского) посаженному сюда же, в Петропавловку, Д. И. Писареву: этот, по определению Чердынцева, «опасный сосед» (3; 246) предназначен был декамуфлировать в своих критических статьях «тлетворный» (3; 249) характер писаний Чернышевского в крепости, что, опять-таки, и произошло: «8-го октября он <Писарев> послал из крепости для "Русского Слова" статью "Мысли о русских романах", причем Сенат уведомил генерал-губернатора, что это не что иное, как разбор романа Чер-

нышевского, с похвалами сему сочинению и подробным развитием материалистических идей, в нем заключающихся» (3; 248)¹⁵. В ПнК сюжетная линия «Цинциннат — м-сье Пьер» (он же — Петр Петрович) очевидно спроецирована на сюжетную линию «Чернышевский — Писарев» в «романе» Чердынцева. В этой связи напомним, что палач оказывается «опасным соседом» своего подопечного в будущем действе казни¹⁶ на четвертый день после вынесения тому смертного приговора¹⁷ (см.: 4; 5—31); насмешки Годунова-Чердынцева над «каким-то извращенным эстетизмом» (3; 249) Писарева, над его пошлым «эпикурейством» и болезненным эротизмом (см. там же) находят свое соответствие в изображенной в фарсовом ключе «лекции» м-сье Пьера «о наслаждениях жизни» (4; 87), прочитанной им Цинциннату в присутствии директора тюрьмы (см.: 4; 86—89, см. также 82—83). Наконец, даже феска, в которой, по свидетельству Чердынцева, Писарев сидел в крепости (см. 3; 244), отзывается в ПнК «парчовой тюбетейкой» (4; 86) и халатом «в ярких разводах» (4; 92), носимых палачом в камере¹⁸.

Вернемся к изображению казни в ПнК: она подготовлена и как бы даже осуществлена (см.: 129—130), но существование Цинцинната на этом не обрывается, — даже напротив... Здесь очевидна аналогия описанию Чердынцевым гражданской казни Чернышевского, по ходу которого этот насмешливый «биограф» восклицает: «Между тем Чернышевского поспешно высвободили из цепей и мертвое тело повезли прочь. Нет, — описка: увы, он был жив, он был даже весел!» (3; 251)¹⁹. Можно указать и на ряд имеющихся здесь же других переключек, с той, однако, существенной оговоркой, что все, имеющее в «Даре» отношение к Чернышевскому, в ПнК переадресовано не Цинциннату, а м-сье Пьеру. Так, изображая казнь 19 мая 1864 г. на Мытнинской площади Петербурга, «часов в 8 утра» (3; 250), Чердынцев пишет: «<...> показалась казенная карета. Из нее вышли необычайно быстро <...> Чернышевский в пальто и два мужиковатых палача; все трое скорым шагом прошли по линии солдат к помосту. <...> Шел дождь <...> Вдруг из толпы чистой публики полетели букеты. Жандармы, прыгая, пытались перехватить их на лету. <...> мгновениями можно было наблюдать редкую комбинацию: городской в венке. Стриженные дамы в черных бурнусах метали сирень. Между тем Чернышевского поспешно высвободили из цепей и

<...> повезли прочь. <...> Студенты бежали подле кареты, с криками: "Прощай, Чернышевский! <...>" Он высовывался из окна, смеялся, грозил пальцем наиболее рьяным бегунам» (3; 250). А вот что происходит в преддверии казни Цинцинната, рано утром (см.: 4; 123), когда палач везет его в «старой, облупившейся коляске» (4; 124) на Интересную площадь: «Несколько девушек, без шляп, спеша и визжа, скупали все цветы у <...> цветочницы <...>, и наиболее шустрая успела бросить букет в экипаж, едва не сбив картуза с головы Романа. М-сье Пьер погрозил пальчиком» (4; 125)²⁰.

Вспомним, наконец, и обвинение, приведшее педагога, учителя дефективных детей Цинцинната на плаху: «Обвиненный в страшнейшем из преступлений, в гносеологической гнусности, столь редкой и неудобосказуемой, что приходится пользоваться обиняками вроде: непроницаемость, непрозрачность, препона; приговоренный за оное преступление к смертной казни <...>» (4; 40). Не откровенная ли это проекция на случай Чернышевского, бывшего педагога (в Саратове, в училище будущих офицеров в Петербурге) и Учителя молодого поколения России, «властителя дум» (3; 193), изолированного (подобно Сократу²¹) властями от общества, — в надежде уберечь это общество от его проповеди м а т е р и а л и з м а ?²²

Обратимся теперь к истории взаимоотношений супружеской четы Чернышевских и сопоставим ее с взаимоотношениями Цинцинната и Марфиньки²³. Цинциннат знал о многочисленных супружеских изменах Марфиньки, неоднократно даже становился их свидетелем (см.: напр.: 4; 35 и 81), поскольку она и не думала их скрывать, а, напротив, даже бравировала ими (см., напр.: 4; 17, 35, 115), — и страдал из-за этого. А вот комментарий Чердынцева к признанию Ольги Сократовны: «<...> изменяла мужу <...>: "Канашечка-то знал... Мы с Иваном Федоровичем <Савицким, польским эмигрантом> в алькове, а он пишет себе у окна". Канашечку очень жаль, — и очень мучительны, верно, были ему молодые люди, окружавшие жену и находившиеся с ней в разных стадиях любовной близости, от аза до ижицы» (3; 211). Добавим также, что Марфинька, как и Ольга Сократовна (см.: 3; 211, 263 и 470), истеричка (см., напр.: 4; 35).

Главное занятие Цинцинната в тюрьме, в преддверии казни — сочинение либо писание писем жене. О пись-

мах же Чернышевского к жене, писавшихся им все время его пребывания в Петропавловке, Чердынцев специально упоминает как о лучшем из того, что составляет рукописное наследие мыслителя («желтый алмаз среди праха многочисленных трудов» — 3; 244).

Вспомним далее ожидание Цинциннатом тюремного свидания с женой: его ему долго не разрешают (см.: 4; 19, 22, 32, 38—39 и др.), Цинциннат от расстройства даже перестает есть (см.: 4; 7—8, 64 и др.), когда же свидание все-таки дозволяют, оно происходит в присутствии тюремной администрации, палача, родственников Марфиньки и даже ее очередного любовника (см.: 4; 55—61). С другой стороны, известно — и Чердынцев тоже об этом сообщает, — что Чернышевскому долго не позволяли повидаться в крепости с женой, в знак протеста против чего он объявил голодовку; в итоге свидание состоялось, но в присутствии тюремного персонала (см.: 3; 246—247). В этой же связи следует упомянуть и «отчет» Годунова-Чердынцева о поездке Ольги Сократовны на свидание с мужем в Сибирь: «Доктора Павлинова <сопровождавшего Чернышевскую> не пустили дальше <Иркутска>: вместо него поехал жандармский ротмистр Хмелевский <...>, пылкий, пьяный и наглый. <...> Но свидание не удалось: удивительно, как все то горькое и героическое, что жизнь изготавляла для Чернышевского, непременно сопровождалось привкусом гнусного фарса. Хмелевский, вясь, не отступал от Ольги Сократовны, в цыганских глазах которой скользило что-то загнутое, но и манящее, — вопреки ее воле, быть может. За ее благосклонность он даже будто бы предложил устроить побег мужу, но тот решительно отказался. Словом, от постоянного присутствия бесстыдника было так тяжело (а какие мы строили планы!), что Чернышевский сам уговаривал жену пуститься в обратный путь, и <...> она это и сделала, пробив <...>, после трехмесячного странствия, всего четыре дня — ч е т ы р е дня, читатель! — у мужа, которого теперь покидала на семнадцать с лишним лет» (3; 254—255). Параллель этой — не совсем соответствующей реальности — версии Чердынцева усматривается во втором и последнем визите Марфиньки в крепость. Для того, чтобы повидаться с обреченным мужем, Марфиньке пришлось «одарить» своей «благосклонностью» вначале директора тюрьмы, а затем, уже в ходе свидания, еще и палача (который утверждал при знакомстве с Цинциннатом, что в

тюрьму он попал из-за своей попытки помочь тому бежать из крепости, — см.: 4; 62, а затем, вкупе с директором разыграл фарс «освобождения» Цинцинната посредством подкопа, — см.: 4; 90—992 и след.); свидание здесь, как помним, тоже «не удалось»: Цинциннат сам настоял на удалении Марфиньки задолго до истечения отпущенного им времени, — в этом случае — навеки (см.: 4; 116—117).

Двое детей Цинцинната, которые «не от него» «и снова не от него» (4; 17), — дефективные дети, уроды. В параллель к этому можно вспомнить сомнения и страдания Чернышевского по поводу появления на свет его второго сына, Виктора (разумеется, в подаче Годунова-Чердынцева, — см.: 3; 210—211), а также историю жизни его первого сына Александра, душевнобольного (см.: 3; 264—267).

Завуалированное отражение получила в ПНК и деятельность Чернышевского как прозаика и поэта. Со скептическим отношением Годунова-Чердынцева к литературно-критическим работам своего героя и с насмешками по поводу его прозаических («бездарный беллетрист» — 3; 248) и поэтических опусов, не отвечавших (опять-таки, по мнению Чердынцева) даже его собственным эстетическим критериям, перекликается в ПНК, например, следующее сожаление Цинцинната: «Не умея писать, но преступным чутьем догадываясь о том, как складываются слова, как должно поступить, чтобы слово обыкновенное оживало, чтобы оно заимствовало у своего соседа его блеск, жар, тень, само отражаясь в нем и его тоже обновляя этим отражением, так что вся строка — живой перелив; догадываясь о таком соседстве слов, я, однако, добиться его не могу, а это-то мне необходимо для несегодняшней и негутошной моей задачи» (4; 52—53).

В крепости Цинциннат читает титанический по объему «современный роман, который <...> на свободе прочитать не удосужился <...> Идея романа считалась вершиной современного мышления. Пользуясь постепенным развитием дерева <...>, автор чередой разворачивал все те исторические события, <...> коих дуб мог быть свидетелем. <...> Был в полторы страницы параграф, в котором все слова начинались на "п".

Автор, казалось, сидит <...> в вышних ветвях Quercus'a — высматривая и ловя добычу. Приходили и уходили различные образы жизни <...> Естественные

же промежутки бездействия заполнялись учеными описаниями самого дуба, с точки зрения дендрологии, орнитологии, колеоптерологии, мифологии, — или описаниями популярными, с участием народного юмора. Приводился <...> подробный список всех вензелей на коре с их толкованием. Наконец немало внимания уделялось музыке вод, палитре зорь и поведению погоды.

<...> Это произведение было бесспорно лучшее, что создало его время <...>» (4; 69–70). Столь причудливым образом Набоков явно намекает на увлечение Чернышевского историей (в крепости тот «окончил к зиме перевод Шлоссера, принялся за Гервинуса, за Маколея» — 3; 244; позднее переводил «том за томом "Всеобщей истории Георга Вебера"» — 3; 263), а равно и на его энциклопедистские и популяризаторские устремления²⁴.

Думается, что сказанного достаточно для вывода о спроецированности Цинцинната Ц. на Н. Г. Чернышевского, а города, в котором он жил и в крепость которого его заключили, — с Петербургом²⁵ и Петропавловской крепостью²⁶, — спроецированности и определенного отождествления с ними. Но в задачу Набокова, очевидно, входили одновременно и тождественность и НЕтождественность — Цинцинната и Чернышевского, родного города первого — и Петербурга, крепости в ПнК — и Петропавловки. Набоков, как уже не раз было сказано, приглашает своего читателя к игре, — в том числе и к игре определенностью/неопределенностью, сходством/различием. Образ Цинцинната наделен многими чертами Чернышевского, но в то же время этот образ гораздо шире, объемнее конкретной исторической личности и ее жизненной судьбы. В ПнК мы имеем дело с принципиальной открытостью центрального образа.

Точно так же мы можем с известной долей условности говорить о тождестве упоминающихся в ПнК улицы Садовой (см.: 4;10, 125 и др.) — с реальной петербургской Садовой, Тамириных Садов (см.: 4;10, 15, 24, 108 и др.) — с комплексом Марсова поля и Летнего сада²⁷, дома «с белесыми колоннами, фризами на фронтоне» — с Михайловским дворцом, не забывая, однако, что это одновременно и они самые, и НЕ они. В ПнК и в IV-й главе «Дара» Набоков представил две пародии на жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского: в «Даре» — пародию сниженную, пародию-карикатуру (при этом полемично-

заостренную по отношению к эстетике пародируемого лица, изложенной в его «Эстетических отношениях искусства к действительности»), в ПНК — пародию высокую, — более трагичную, нежели то было в действительности, версию жизни Чернышевского (хотя не обошлось без иронии и тут: в ПНК великий революционер-демократ как бы помещен в условия того социально-политического и государственного устройства, о котором он в свое время мечтал и к которому звал своих современников²⁸, — иными словами Цинциннат Ц. — это Чернышевский в условиях тоталитарного общества²⁹). Это не означает, что, по Набокову, «подлинный Чернышевский» есть «среднее арифметическое» двух версий его жизнеописания, хотя и это вероятно. Жизнедеятельность Чернышевского для Набокова — интересный и эстетически «выгодный» материал для художественного осмысления и преломления, материал для создания истории жизни и страданий человека вообще, человека как такового, вне зависимости от времени и места.

1981—1990—1993—1995 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 О времени и обстоятельствах создания романа см.: Носик Б. Мир и Дар Набокова: Первая русская биография писателя. М., <1995> С. 309—313 и след.
- 2 Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 8 (далее все цитаты из произведений Набокова и ссылки на них даются по этому изданию с указанием тома и страницы в основном тексте в скобках).
- 3 Еще более показательны в этом отношении имена директора тюрьмы и палача, фигурирующих то как Родриг Иванович (он же — Родион) и м-сье Пьер, то как Родриго (см.: 4; 89) и Петр Петрович (см.: 4; 97).
- 4 Подразумевается описание (в сцене визита палача и Цинцинната к «отцам города» накануне казни) «театрально освещенного подъезда» «с белесыми колоннами, фризами на фронто-не» (4; 105), в котором соположение последних элементов — очевидный архитектурный нонсенс.
- 5 См., напр.: «"Приглашение на казнь" Набокова, в котором внешняя реальность настолько призрачна, что когда Цинцинната <sic!> казнят, то я не совсем уверен, что его казнят, это какая-то иллюзия казни, это какое-то монофизитское представление об иллюзорных страданиях, которых на самом деле

нет и которые проходят как дурной сон» (*Померанц Г.* Открытость бездне: Встречи с Достоевским. М., 1990. С. 109). Ср. с высказанным в феврале 1937 г. мнением В. Ф. Ходасевича: «Цинциннат не казнен и не не-казнен, потому что на протяжении всей повести мы видим его в воображаемом мире, где никакие реальные события невозможны» (Цит. по: *Ходасевич В.* Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954. С. 250).

- 6 В этой связи см.: *Носик Б.* Указ. соч. С. 303–356 и след.
- 7 См. об этом примечания О. Дарка к текстам ПнК и «Дара»: 4; 463 и 3; 479.
- 8 В этой связи см. след. свидетельство биографа Набокова: «Писать "Дар" он начал со вставной книги. С книги о Чернышевском, которую пишет его герой. Так казалось легче начать»; «В разгар работы над биографией Чернышевского Набоков наткнулся на идею <...> В. А. Жуковского, желавшего упорядочить смертную казнь, которую Василий Андреевич рекомендовал совершать под звуки сладостной <...> музыки и желательно за закрытой дверью <...> Набоков (как и Чернышевский до него) пришел в ярость, прочитав эти рекомендации. Подобно отцу, Набоков был противником смертной казни. От этих вот рассуждений о смертной казни мысль его, вероятно, и потекла к Цинциннату Ц., к новому роману...»; «Первый его <"Приглашения на казнь"> вариант был написан за две недели упоенного труда — с конца июня до середины июля <1934 г.>. Позднее началась доработка, в ходе которой Набоков отвлекался иногда, обращаясь к своему исследованию о Чернышевском <...>» (*Носик Б.* Указ. соч. С. 304; 313; 310).
- 9 В данной связи укажем на переключку одних и тех же деталей в изображении Добролюбова в ПнК и в IV-й главе «Дара» как на еще одно звено, объединяющее два этих текста, — ср.: «<...> и вот он подходит, в наглухо застегнутом форменном сюртуке с синим воротом, разящий честностью, нескладный, с маленькими близорукими глазами <выделено нами. — А. Д.> и жидковатыми бакенбардами <...> и представляется <...>: Добролюбов» (3; 232).
- 10 *Ремизов А.* Кукха: Розановы письма. <Берлин>, 1923. С. 56.
- 11 *Иванов-Разумник Р. А.* И. Герцен и Н. К. Михайловский. (Сравнительная характеристика их мировоззрений) // Вопросы жизни. СПб., 1905. N 8. С. 148–149.
- 12 Эту переключку судеб Достоевского и Чернышевского отмечают все биографы последнего, на которых «ссылается» в своем «романе» Годунов-Чердынцев, но сам он ее игнорирует, — подобного рода умолчание весьма знаменательно.

- 13 К сказанному остается добавить, что все перечисленные в ПнК писатели — Пушкин, Гоголь, Толстой и (критик и поэт) Добролюбов — суть объекты осмысления в наиболее известных литературно-критических выступлениях Чернышевского и самой своей «обоймой» опять-таки должны (по мысли Набокова) «выводить» читателя на него. Правда, возражение против такого заключения может вызвать отсутствие в перечне имени Тургенева, чьи произведения вызвали к жизни самую известную критическую работу Чернышевского — «Русский человек на rendez-vous». Ответ на это возражение приготовил сам Набоков, устами Годунова-Чердынцева указавший на наличие «двойничества» и «какой-то мистической связи между Чернышевским и Тургеневым» (3; 224). Т.е. вновь *nomina sunt odiosa*, т.к. включение в перечень имени Тургенева значительно облегчало бы читателю ПнК разгадку ребуса, а это для Набокова нежелательно.
- 14 В этой связи см. вывод Чердынцева: «Дело, затеянное против Чернышевского, было призраком; но это был призрак действительной вины <...>» (3; 42, ср. в др. месте: «Так в лице Чернышевского был осужден его — очень похожий — призрак; вымышленную вину чудно подгримировали под настоящую» — 3; 250). Думается, что переключка этого модуса «призрачности» с призрачным, фантазмагорическим характером всего происходящего в ПнК очевидна.
- 15 Ср. в др. местах: «У нас есть три точки: Ч, К, П. Проводится один катет, ЧК. К Чернышевскому власти подобрали <...> <провокатора> Владислава <...> Костомарова <...> Проводится другой катет, КП. Писарев в «Русском Слове» пишет <...> Николай Гаврилович сидел в Алексеевском равелине, в близком соседстве с <...> Писаревым, заключенным туда за четыре дня до того: проводится гипотенуза, ЧП, и роковой треугольник утверждён» (3; 242–243); «<...> он начал писать «Что делать?», — и уже 15 января послал первую порцию <...> для «Современника», который с февраля был опять разрешен. Тогда же разрешено было и «Русское Слово», после такого же восьмимесячного запрета; и, нетерпеливо ожидая журнальной поживы, опасный сосед уже обмакнул перо» (3; 245–246); «Правительство, — говорит Страннолюбский <биограф, выдуманный Годуновым-Чердынцевым. — А. Д.> с одной стороны дозволяя Чернышевскому производить в крепости роман, а с другой — дозволяя Писареву, его соузнику, производить об этом же романе статьи, действовало вполне сознательно, с любопытством выжидая, чтобы Чернышевский весь выболтался, и наблюдая, что из этого получится — в связи с обильными выделениями его соседа по инкубатору» (3; 249).
- 16 В этой связи весьма знаменательным представляется нагнетание слова «сосед» в обращении палача к Цинциннату —

«мой милый сосед» (3; 49), «милый сосед» (3; 91); см. также досаду уже Цинцинната на «доброхотство соседа» (3; 118).

- 17 С убийственной — «палаческой» — ролью Писарева и его тюремных писаний в судьбе Чернышевского очевидно сочетаются слова м-сье Пьера в сцене «официального» знакомства двух участников предстоящей казни: «Будем продолжать, — сказал м-сье Пьер. — За это время мне удалось близко сойтись с соседом. <...> Мы любили друг друга, и строение души Цинцинната так же известно мне, как строение его шеи. Таким образом, не чужой, страшный дядя, а ласковый друг поможет ему взойти на красные ступени, и без боязни предастся он мне, — навсегда, на всю смерть. Да будет исполнена воля публики <выделено нами. — А. Д.>!» (4; 101).

Здесь же следует упомянуть и о мотиве «двойничества», эксплицированном в сюжетной линии «Цинциннат — м-сье Пьер» (взять хотя бы тот факт, что им обоим по 30 лет, — см.: 4; 46, или случай, когда палач «заместил» Цинцинната, выполнив за него его супружеские обязанности по отношению к Марфиньке, — см.: 4; 114—115) и отражающем аналогичность деятельности Чернышевского и Писарева (литературная критика, революционный демократизм) и отношения преемственности между ними (это последнее, кстати, подчеркнуто актуализировано Чердынцевым: «<...> бедняга Белинский (предшественник) <...> — <...> полупомешанный Писарев (преемник) <...>» — 3; 194).

- 18 Показательно, что на Цинциннате, в свою очередь, — «распахивающийся черный халатик, слишком большие туфли <...>, философская <выделено нами. — А. Д.> ермолка на макушке», тогда как «псевдофилософ» (по Чердынцеву) Чернышевский изображен во время его пребывания в тюремной камере «в байковом халате, в картузе» (3; 244).
- 19 См. также далее: «"Увы, жив", — воскликнули мы, ибо как не предпочесть казнь смертную <...> тем похоронам, которые спустя двадцать пять бессмысленных лет выпали на долю Чернышевского. Лапа забвения стала медленно забирать его живой образ, как только он был увезен в Сибирь» (3; 252).
- 20 Еще переключка: в описании казни у Годунова-Чердынцева мельком упомянуты «два мужиковатых палача», — ср. в ПНК: «<...> вошел <в камеру Цинцинната> розовый м-сье Пьер <...> и за ним еще двое, в которых почти невозможно было узнать директора и адвоката: осунувшиеся, <...> одетые оба в серые рубахи, обутые в опорки <...> <М-сье Пьер>: Вот это мои помощники, Родя и Рома, прошу любить и жаловать. Молодцы с виду плюгавые, но зато усердные» (4; 120); ср. также изображение преддверия казни (акцентировка на

стремительности движения к плахе, аналогичная чердынцевской): «Родион и Роман соскочили с козел <экипажа>; все трое затеснили Цинцинната.

<...> До эшафота было шагов двадцать, и, чтобы никто его не коснулся, Цинциннат принужден был побежать» (4; 127).

- 21 Кстати, имя Сократа обыгрывается в ПнК: в выступлении перед казнью заместителя управляющего городом, извещающего зрителей о том, «что сегодня вечером идет с громадным успехом злободневности опера-фарс "Сократись, Сократик"» (4; 128), как обыгрывается оно и в IV-й главе «Дара» в связи с упоминанием тестя Чернышевского, саратовского врача Сократа Васильева: «Усугубилась его манера логических рассуждений — «в духе тезки его тестя», как вычурно выражается Страннолюбский» (3; 255). В этой же связи отметим, что и изображение тестя Цинцинната в ПнК определенно ориентировано на скульптуру М. М. Антокольского «Смерть Сократа» (в том числе — и на позу, в которой предстален у него античный философ), — см.: «Старый отец Марфиньки, — огромная лысая голова, мешки под глазами <...> Тесть <...> сел в <...> кресло, поставил с усилием толстую <...> ногу на скамеечку и, злобно качая головой, из под тяжелых век уставился на Цинцинната, которого охватило знакомое мутное чувство при виде <...> морщин около его рта, выражающих как бы вечное отвращение, и багрового пятна на жилистом виске, со вздутием вроде крупной изюмины на самой жиле» (4; 55–56).

- 22 Полагаем, что все, сказанное о гетерогенной природе ПнК и о сложной спроецированности его главного героя на Н. Г. Чернышевского, позволяет корректировать общепринятую среди набоковедов точку зрения, согласно которой образ Цинцинната Ц. восходит к древнеримскому патрицию Цинциннату Кезону Квинкцию (см., напр., примеч. О. Дарка к ПнК: 4; 463). Генетическая связь набоковского героя с этим последним несомненна, но столь же (если не более) несомненна и его связь с Цинциннатом Луцием Квинцием (отцом предыдущего), древнеримским (V в. до н.э.) политическим деятелем, считавшимся (согласно Ливию и др.) современниками образцом республиканских добродетелей, скромности, доблести и верности гражданскому долгу.

Продолжая же аргументацию в пользу версии «Цинциннат Ц. — проекция на Чернышевского» и памятуя при этом о склонности Набокова к словесной и звуковой игре, напомним, что буква "Ц", начинающая имя и фамилию героя, непосредственно соседствует в русском алфавите с "Ч", в латинском же ("С") — зачастую функционально ее замещает.

- 23 Само ее имя, равно как и внешний вид и многие черты ее характера очевидно позаимствованы Набоковым у образа Марфиньки из гончаровского «Обрыва».
- 24 В этой связи см., напр., след. иронический пассаж из IV-главы «Дара»: «Истинный энциклопедист, своего рода Вольтер, с ударением, правда, на первом слоге, он написал, не скупясь, тьму страниц <...>, перевел целую библиотеку, использовал все жанры вплоть до стихов и до конца жизни мечтал составить «критический словарь идей и фактов» <...> Об этом-то он пишет жене из крепости, со страстью, <...> с ожесточением рассказывая о тех титанических трудах, которые он еще совершит. Далее, все двадцать лет сибирского одиночества, он лечился этой мечтой; но, познакомившись за год до смерти со словарем Брокгауза <ср. с "параграфом", «в котором все слова начинались на "п"». — А. Д.>, увидел в нем ее воплощение. Тогда он возжаждал Брокгауза перевести <...>, почитая такой труд венцом всей своей жизни; оказалось, что и это уже предпринято» (3; 210).
- 25 В этом отношении особенно примечательно уже упомянутое (см. прим. 4) «стильное», но несовершенное с архитектурной точки зрения описание «театрально освещенного подъезда» «с белесыми колоннами, фризами на фронтоне» (4; 105). «Несовершенство» это обусловлено стремлением Набокова перечислить в короткой фразе возможно большее количество наиболее характерных признаков архитектурного облика Петербурга; одновременно это описание служит отсылкой к «петербургскому тексту русской литературы» в одном из эмигрантских его «изводов», — ср.: «Город Растрелли, Томона и Воронихина, город светлых колонн и холодных фронтонов <...>» (Темирязов Б. <Анненков Ю.> Домик на 5-ой Рождественской // Современные записки. Париж, 1928. N 37. С. 196).
- 26 В описании места Цинцинатового заключения постоянно акцентируется момент тождества, одноприродности крепости и скалы, лежащей в ее основании (см., напр.: «<...> крепость громадно высилась на громадной скале, коей она казалась чудовищным порождением» — 4; 23, ср. 5). Тем самым подключается ассоциативный ряд, актуальный для «петербургского периода русской истории» и «петербургского текста русской литературы»: скала — камень — апостол Петр («На сем камне...») — Петр Великий — город св. Петра — Петроград — Петропавловская крепость — Вороний камень в основании памятника Петру I (Медный всадник) и т.д.
- 27 Отождествление их с Тамариными Садами достигается посредством включения еще одного ряда культурно-исторических ассоциаций: Тамарины Сады — (грузинская) царица Тамара — (российская) царица Екатерина II — Царицын луг (будущее Марсово поле) — Летний сад и т.д.

В этой связи укажем также на разительное соответствие маршрута воображаемого путешествия Цинцинната из крепости к себе домой (см.: «Оставив за собой <...> громаду крепости, он заскользил вниз по крутому, росистому дерну, <...> пересек дважды, трижды извивы главной дороги, которая, <...> стряхнув последнюю тень крепости, полилась прямее, вольнее, — и по узорному мосту через высохшую речку Цинциннат вошел в город. Поднявшись на изволок и повернув налево по Садовой, он пронесся вдоль седых цветущих кустов. <...> Изредка наплыв благоухания говорил о близости Тамириных Садов» и т.д. — 4; 9–10) реальному соотношению пешеходно-транспортных артерий в историческом центре Петербурга: северо-западные ворота Петропавловки — Кронверк — Стрелка Васильевского острова — Дворцовый мост через Неву — вверх по Невскому проспекту — поворот с него налево на Садовую улицу — движение по ней мимо парков Михайловского дворца и Инженерного замка — Марсово поле и Летний сад. . .

- 28 Выражаясь фигурально, после осмеяния в IV-й главе «Дара» Чернышевский, «перейдя» в ПНК, оказывается в ситуации и условиях реализованной утопии «Четвертого сна Веры Павловны».
- 29 Проницательные высказывания на этот счет см. в кн.: *Варшавский В. Незамеченное поколение.* <М., 1992>. С. 217–222 (репринт нью-йоркского изд. 1956 г.).